

Шэнь Е почтительно поклонился и покинул залу.

Стоило дверям закрыться за учеником, как старейшина Чжанхэн торопливо шагнул вперед. Косо взглянув на пригревшегося на руках Ло Чжу маленького черного леопарда, он понизил голос до заговорщицкого шепота:

— А-Чжу, скажи мне честно, без утайки: Цинь Му действительно на Горе Абсолютной Чистоты?

Ло Чжу медленно приподнял веки и окинул собеседника равнодушным взглядом.

— Старейшина Чжанхэн сомневается в моих словах?

— Да как я могу верить? — вздохнул Чжанхэн. — Хоть он и твой ученик, тебе всегда было на него плевать. Я и то знаю мальчишку лучше. С его-то трусливым нравом он ни за что добровольно не сунулся бы в такое опасное место...

— Раз уж старейшина так хорошо его изучил, — Ло Чжу тонко усмехнулся, — может, объяснит тогда, зачем Деревяшке понадобилось красть трактат с техниками меча?

Старейшина осекся, не найдя что ответить.

Ло Чжу опустил взгляд. Он смотрел на старейшину с ледяной пронзительностью, словно срезая с него маску притворного беспокойства. В голосе Государственного наставника не осталось и капли тепла:

— С кем он мог сойтись, чтобы пойти ради этого человека на кражу? Или... его кто-то подговорил?

Чжанхэн мгновенно окаменел.

— Ищите, старейшина, ищите прилежнее, — небрежно бросил Ло Чжу.

Поднявшись с кресла, он поудобнее перехватил притихшего котенка и вышел из зала, даже не взглянув на собеседника напоследок.

Цинь Му крепко вцепился коготками в расшитые одежды Ло Чжу. В голове у него царил полнейший сумбур.

«Зачем Учителю Ло скрывать мою смерть? Какой в этом смысл?»

«И для чего он отправляет их всех на Гору Абсолютной Чистоты?»

Из раздумий его вырвал ровный голос Ло Чжу:

— Завтра мы тоже отправимся на Гору Абсолютной Чистоты.

Котёнок удивленно вскинул мордочку.

Ло Чжу негромко усмехнулся, заметив эту реакцию:

— Но твои уроки еще не закончены. Если хочешь поехать со мной, изволь к завтрашнему дню вызубрить всю книгу.

Цинь Му мысленно заскрипел зубами.

«А можно мне... вежливо отказаться и остаться дома?»

Ло Чжу словно прочитал его мысли и тихо рассмеялся:

— Отказ не принимается. Ты едешь в любом случае.

«Да чтоб тебя...» — тоскливо подумал котёнок.

Все последние дни он едва успевал хватать верхушки знаний. Ло Чжу толком ничего не объяснял — просто за шкирку забрасывал его в иллюзорное царство, стоило подойти назначенному часу. И каждый божий день Цинь Му занимался одним и тем же: уныло собирал разлетевшиеся золоченые иероглифы.

Он пытался разгадать скрытый смысл этой нудной работы, но за все время заметил лишь одно крошечное изменение: Техника ветра теперь давалась ему чуточку легче, потоки послушнее отзывались на его волю. В остальном же — ровным счетом ничего.

И даже если этот странный сбор иероглифов действительно считался обучением, он едва одолел половину первой книги! А впереди оставалась еще целая гора разбросанных знаков...

Будущее его кошачьей жизни на мгновение окрасилось в исключительно мрачные тона.

Не успел он опомниться, как реальность вокруг поплыла — его снова бесцеремонно швырнули в иллюзорное царство.

— К моему возвращению все иероглифы должны стоять на своих местах, — донесся до него напоследок строгий наказ Ло Чжу.

Цинь Му, не смея терять ни секунды, поднялся на лапы и сосредоточился, призывая духовную силу.

Ветер послушно отозвался на безмолвный призыв. Рассыпанные по траве книжные листы зашуршали, захлопали, взмывая в воздух. Зеленые стебли затрепетали под порывами послушного вихря, увлекая за собой и заставляя сияющие золотом иероглифы медленно отрываться от земли.

Котёнок ювелирно выверял силу и направление воздушных потоков, бережно направляя светящиеся знаки. Они летели плавно, без суеты и резких скачков, точь-в-точь повинувшись его мысленным командам и занимая предназначенные им места на страницах.

За последние дни он проделал это несчетное количество раз.

Поначалу ему с трудом удавалось совладать хотя бы с одним-единственным иероглифом — остальные разлетались в разные стороны золотистой пылью. Но постепенно, шаг за шагом, дело пошло на лад.

Теперь он мог удерживать в воздухе до пятнадцати знаков одновременно.

Вот только в фолианте их были тысячи. Перемещая их такими крошечными группками, он провозился бы до конца недели, не зная отдыха.

Цинь Му аккуратно опустил первую партию на бумагу, следя, чтобы каждый символ ровно вошел в свое углубление.

Готовясь ко второму заходу, он решил рискнуть и поднять больше.

Из-за непосильной ноши лапы его задрожали от напряжения, и послушный доселе ветер взбунтовался. Золотые иероглифы завертелись в воздухе хаотичным роем.

Видя, что драгоценные знаки вот-вот растеряются в траве, котёнок испуганно пискнул и чисто инстинктивно бросился ловить их лапами.

Балансируя на задних лапах, он умудрился сделать пару шагов, как вдруг откуда-то сверху раздался звонкий птичий щебет. Цинь Му дернулся, неловко прыгнул вперед, пытаясь сгрести сияющие буквы в охапку, потерял равновесие и кубарем покатился по траве, со всего маху ткнувшись носом прямо в раскрытый фолиант.

— Мяу... — жалобно простонал несчастный ученик, у которого перед глазами закружились искры.

Кое-как упершись лапами в землю, он поднялся на подкашивающихся конечностях и потряс гудящей головой. И стоило ему открыть глаза, как прямо перед его носом бесшумно пронеслась белоснежная тень. Сделав изящный вираж в воздухе, таинственный гость плавно опустился прямо на верхний край раскрытой книги.

Птица оказалась невероятно красивой: головку и шею ее покрывали глубокого темно-синего цвета перья, отливающие благородным глянцем. Ниже шелковым воротником спускалось белоснежное оперение, а длинный, похожий на шелковую ленту хвост плавно колыхался, словно у сказочного феникса, пока птица не сложила крылья за спиной с поистине царственным изяществом.

— Чирик, — пичуга горделиво вскинула маленькую голову.

Цинь Му зачарованно моргнул. Присмотревшись к безупречно белым крыльям незнакомца, он заметил, что их кромка отливает благородным золотом.

— Ну и растяпа, — вдруг отчетливо произнесла птица.

Голос его оказался на удивление звонким, мальчишеским — он журчал чисто и весело, будто весенний ручеек, бегущий по гладкой гальке.

Котёнок изумлённо округлил глаза:

— Мяу?! Ты умеешь говорить по-человечески?

— Какое еще человечье наречие?! — птица возмущенно захлопала крыльями и пребольно щелкнула его по носу. — Оглянись, недотепа, здесь нет людей! И говорю я вовсе не на человеческом языке!

— Значит... на птичьем? — растерянно пискнул котёнок.

Не успел Цинь Му осмыслить услышанное, как получил второй, еще более ощутимый удар крылом по многострадальному носу.

— Наглец! — возмутилась птица.

— Ай! — Цинь Му отпрыгнул назад. Звериные инстинкты заставили его ошетиниться и с опаской уставиться на воинственную пичугу. Насупившись, он недовольно проворчал: — Ты чего дерешься?!

— За дело бью, глупая ты кошачья башка, — фыркнула птица. — Это язык зверей, бестолочь! Родной речи не знаешь, позорище! Совсем отупел!

Цинь Му ошеломленно захлопал глазами.

— Ты... понимаешь язык зверей? — изумленно переспросил он.

Котенку показалось, что птица сейчас демонстративно закатит глаза — настолько красноречивым было выражение его крошечной мордочки.

— Если то, что ты слышишь, не язык зверей, то что же по-твоему, рыбье мычание? — язвительно прошептал гость.

Осознав всю глупость своего вопроса, Цинь Му смущенно почесал лапой за ухом и виновато улыбнулся:

— Ну да, логично... Ой, постой!

Он резко выпрямился, и шерсть на его загривке приподнялась от внезапного озарения:

— Я ведь действительно понимаю каждое твое слово!

Птица окинула его взглядом, каким обычно одаривают безнадежных дурачков:

— Какое великое открытие. И как только твоя кошачья голова до этого додумалась?

Но Цинь Му было не до ее сарказма — он искренне обрадовался:

— Значит, я теперь тоже умею изъясняться на зверином?!

— Ну... — птица пренебрежительно повела крылом. — Твое бормотание звучит так, словно трехлетний младенец пытается связать два слова. Разобрать, конечно, можно, но уши вянут от натуги.

Но даже такое нелестное сравнение не могло испортить ему настроение. Переполненный ликованием, он радостно закивал:

— Но главное-то — я все-таки могу говорить! Правда ведь?

— Допустим, — он снисходительно кивнул.

— Но как у меня получилось? — когда первый восторг утих, Цинь Му одолело любопытство. — Я ведь никогда не учил этот язык. И как он вообще устроен? Мне кажется, я просто говорю как

обычно, без всяких усилий.

Птица посмотрела на него с превосходством:

— Судя по твоей бестолковой морде, тут явно приложил руку какой-то великий мастер. Язык зверей — это тебе не просто набор звуков. Его нельзя просто зазубрить, его нужно постичь душой. Он должен войти в твое естество, как чистая родниковая вода, пропитать каждую косточку! А поскольку ты до сих пор мямлишь, как несмышлениш, обучение твое явно далеко от завершения.

Цинь Му закивал, пытаясь переварить столь туманное объяснение.

— Мой Учитель Ло велел мне заниматься именно здесь, — признался он. — Но я пока успел собрать лишь половину иероглифов... погоди, выходит, когда я возвращаю эти золотые знаки на страницы книги, я проникаюсь этим пониманием?

— Не совсем так, но для твоего невеликого ума и такое объяснение сойдет, — снисходительно сощурилась птица. Его изящный хвост вновь качнулся, ловя солнечные блики.

Цинь Му уныло вздохнул. Его опять обозвали дураком.

«Да она просто издевается надо мной», — обреченно подумал он.

— И как же ты собираешь эти буквы? — поинтересовалась пичуга.

— С помощью Техники ветра, — послушно ответил котёнок. — Я больше ничего не умею. Призываю легкий ветерок, поднимаю им иероглифы с земли, а потом стараюсь направить поток так, чтобы они ровно ложились в пустые строчки на страницах.

Рассказав о своих скромных успехах, он с надеждой посмотрел на круглую птичку:

— Ты прилетела, чтобы помочь мне? Наверное, я потревожил тебя своими упражнениями? Раньше я тебя здесь не видел.

Пернатый гость на секунду замялся, возмущенно защебетав:

— Еще чего! Я — Райская мухоловка! Мой долг — следить за небесными течениями и улавливать малейшие изменения ветра. Последние дни его порывы казались мне весьма подозрительными, вот я и решила лично проверить, что происходит. И надо же — застала здесь несносного глупого кота, устроившего кавардак!

Она попыталась вновь наставить его крылом, но, сообразив, что с веточки до кошачьего носа не дотянуться, вспорхнула вверх. Сделав круг, мухоловка без лишних церемоний опустилась прямо на макушку Цинь Му и несильно пнула его лапкой по уху.

— Выкладывай, сколько страниц тебе еще нужно разобрать?

Тонкие птичьи лапки едва ощущались на голове, но кошачье тело инстинктивно напряглось, готовое сцапать нахальную добычу. Однако Цинь Му подавил этот порыв. Странно, но эта ворчливая птица вызывала у него необъяснимую симпатию. Интуиция подсказывала: он ворчит лишь для виду, а на самом деле прилетела помочь.

Доверившись предчувствию, он честно признался:

— Целых пятнадцать томов, все они лежат вон там. Но завтра Учителю Ло нужно взять меня с собой на Гору Абсолютной Чистоты, так что сегодня мне велено закончить хотя бы одну книгу.

— Твой Учитель Ло? — Птица прищурилась, вглядываясь в кошачью мордочку. — И что же он за человек, этот твой учитель?

Цинь Му на мгновение опешил.

«Ло Чжу... Какой он на самом деле?»

<http://bllate.org/book/18174/1756686>